

*Вятские
каникулы
души*

Анастасия Головинова

Анастасия Головинова

Вятские каникулы души

<https://litres.ru/74051366>

SelfPub; 2026

Аннотация

Посвящается всем, кто помнит, как пахнет детство.

Здесь не листают в очереди за кофе. Здесь садятся в кресло, наливают чай и позволяют себе выдохнуть.

«Вятские каникулы» — это возвращение. Туда, где лето пахло сеном и парным молоком, где река отражала облака, а дед молчал так мудро, что слова были не нужны.

О морошке — янтарном сокровище, которое тает на языке. О грузде — царе грибов, который учит терпению. О Шайтане — черно-белой лайке, что боялась тапка, но стала легендой. О Гришке — неказистом коте, депутате местного разлива. О законе тайги, который не написан, но живёт в каждом, кто умеет слушать лес. Об окнах — тихих свидетелях наших жизней.

Это книга-мост между городом и деревней, между «было» и «есть», между тобой сегодняшним и тем мальчишкой, что бегал босиком по росе.

Здесь нет вымысла. Есть память. Есть Вятская сторона — не на карте, а в душе.

Завари чай, сядь у окна и позволь себе вернуться.

Содержание

«Вятские каникулы души»	4
Июнь, тебе 10 лет	5
Июль, 10 лет	8
Моё янтарное сокровище. Морошка	13
МОЙ ДРУГ ШАЙТАН	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анастасия Головинова

Вятские каникулы души

«Вятские каникулы души»

Сборник рассказов о детстве и деревне

Июнь, тебе 10 лет

Июнь, тебе 10 лет, а впереди целое беззаботное лето у бабушки в деревне. Ох, как же хочется назад, в то июньское детство....

Июнь пахнет нагретой солнцем пылью на деревенской дороге и свежескошенной травой у крыльца. Тебе десять лет, и ты стоишь на пороге бабушкиного дома, а в груди бьется маленькое, горячее солнце — от ожидания чуда, которое вот-вот начнется и будет длиться целую вечность, то есть три месяца.

Деревянный дом, почерневший от времени и дождей, встречает тебя прохладой в сенях, где пахнет старым деревом, сушеными травами и чем-то неуловимо родным. Скрипит половица под ногой — та самая, третья от порога. Комнаты маленькие, с низкими потолками. Занавески, колышимые ветерком с реки. На подоконнике — бабушкина герань в жестяной банке из-под леденцов. Здесь время течет иначе: медленно, вязко, сладко, как малиновый сироп.

А потом — река. Широкая, ленивая, сверкающая на солнце тысячами чешуек. Песчаный пляж, где ноги тонут в теплом, как мука, песке. Лодка, привязанная к коряге, потертые весла, тихое плесканье воды о борт. Ты лежишь на дне этой лодки, смотришь в бездонное июньское небо, и кажется, что

плывешь не по воде, а прямо по лазури, под куполом из белых кудрявых облаков.

Баня по субботам. Жаркая, дымная, пахнувшая березовым веником и горячими камнями. Крик «Ох, как хорошо!», вырвавшийся у кого-то из взрослых, и звонкий смех, когда вы бегаешь босиком по траве к реке — окунуться с головой в прохладную, темную воду. А потом — сидеть на крылечке, завернувшись в простыню, пить чай с травами и чувствовать, как тело легкое, чистое, почти невесомое.

И конечно, еда. Не просто еда, а священнодействие. Бабушкины блины — тонкие, ажурные, с хрустящими краешками. Их ешь со сметаной, с вареньем, а иногда просто так, свернув трубочкой, и счастье разливается по всему телу. Пельмени, которые лепили всем миром за большим столом, с разговорами и шутками. А на десерт — главное волшебство: клубника, только что собранная с грядки, теплая от солнца. Бабушка толчет ее в миске, добавляет холодного молока и сахара побольше (ты всегда просишь: «Еще, ба, еще сахару!») — это вкус лета.

А утром — кусочек черного хлеба с маслом, густо присыпанный сахаром. Хруст сладких кристаллов на маслянистой мягкости. Запиваешь парным молоком, еще теплым, и смотришь в окно, где уже вовсю светит солнце, и день обещает новые приключения.

Луга. Бескрайнее море трав и цветов: ромашки, колокольчики, мышиный горошек. Бежишь босиком, и трава щекочет

пятки, а над головой жужжат шмели. Огород, где все кажется гигантским: огурцы, прячущиеся под листьями, горох на тычинах, откуда можно тайком сорвать стручок. Запах земли, укропа, помидорной ботвы.

Вечера на завалинке. Тихие разговоры, шелест листьев в саду, далекий лай собаки. Небо постепенно темнеет, загораются первые звезды — крупные, близкие, будто их можно достать рукой с крыши бани. И внутри тебя — тихая, щемящая радость. От того, что завтра снова будет солнце. От того, что впереди еще целое лето. От того, что ты здесь, в этом месте, где тебя любят просто за то, что ты есть.

И кажется, что так будет всегда. Что этот июнь, этот дом, эта река, этот запах пирогов и скошенной травы — навечно. Ты не знаешь еще, что это и есть самое большое сокровище. Простое, душевное, настоящее. Кусочек рая, спрятанный в памяти, куда ты будешь возвращаться снова и снова, спустя годы, просто закрыв глаза.

Ох, как же хорошо... Как же бесконечно, беззаботно, безмерно хорошо. Июнь. Десять лет. Бабушкин дом. Лето, которое длится вечно.....

Июль, 10 лет

Утро в деревне наступает не сразу. Сначала оно только угадывается —сквозь окно пробивается тусклый розоватый свет.

Тишина стоит такая, что слышно, как ворочается во сне кошка на печи. Не тишина даже, а звенящая прозрачность, в которой каждый звук — на вес золота.

А потом — петух. Один, второй — и вот уже вся деревня знает: пора. Сквозь сон слышно, как бабушка гремит ухватами у печи, как мычит корова, ждущая дойки. За окном шумят тополя. Огромные, до неба, они стоят вдоль всей деревенской улицы. В их листве запуталось утро, и ветер ворошит её лениво, сонно, будто сам только проснулся. И сквозь дрему ты уже улыбаешься — потому что знаешь, что день уже задался.

Ты открываешь глаза. Комната залита солнцем — оно лежит на полу жёлтыми квадратами, поднимается по стене к потолку, где в углу всё ещё держится клочок ночной тени. Пахнет прохладой и старым одеялом — тем самым, стёганным, из лоскутков, от которого пахнет домом и сном. На стене — солнечный зайчик от зеркала, которое бабушка повесила ещё когда мама была маленькой. Он скачет по обоям в мелкий цветочек, слепит глаза, дразнится.

На подоконнике — герань в жестяной банке, рядом с ней засохший шмель, вчерашний, глупый: залетел и не нашёл выхода. А за окном — вид на весь твой мир: край огорода с грядками, тропинка к реке, ещё мокрая от росы, и тот самый обрыв, откуда вчера ныряли. Река ещё прячется в тумане, но песок на том берегу уже золотится — значит, день будет жарким. Ты потягиваешься ещё минуту, вдыхая этот запах — дома, детства, утра, — и знаешь, что спешить некуда. Впереди целый день. Впереди целое лето.

— Вставай, соня, — бабушкин голос из кухни. — Оладьи стынут.

И ты вскакиваешь — потому что оладьи не ждут. Пол встречает босые ноги прохладой, засовываешь ноги в шерстяные бабушкины тапки и быстро бежишь умываться из рукомойника, брызгаясь и фыркая, — и за стол. Оладьи пышные, румяные, политые сметаной, а в кружке — парное молоко с пенкой. Ту пенку ты не любишь, но бабушка говорит, что она самая полезная, и ты морщишься, но пьёшь, потому что для бабушки ничего не жалко.

После завтрака надо сперва помочь бабушке — и только потом на реку. Бегом, по тропинке через огород, мимо смородиновых кустов, через калитку и дальше вниз по тропе. На берегу уже детвора: кто просто сидит на песке, ждёт, кто-то уже плещется с визгом. А вода — тёплая, как парное молоко, тина у берега щекочет ноги, а с обрыва можно нырять «солдатином» и «лягушкой». До посинения, до мурашек, до тех

пор, пока губы не станут синими, а зубы не начнут выбивать дробь.

— Ещё пять минут! — кричишь ты.

— Бабушка ругаться будет! — орёт Витька.

Но никто не уходит. Потому что лето бесконечно, а солнце печёт так, что мокрые волосы высыхают за десять минут.

Обед — святое. Бабушка встречает на крыльце, руки в муке, фартук в пятнах от ягод. В доме уже накрыто — стол под белой клеёнкой в мелкий цветочек. На тарелках горой дымится картофельное пюре, мягкое, с ложкой деревенского масла. Рядом — сковорода с жареным мясом, тушёным в собственном соку, с луком и перцем, таким мягким, что тает во рту. А в центре стола — целое блюдо пирогов. Румяные, с хрустящей корочкой, они ещё хранят жар. С черникой, с земляникой, с яблоками — сладкие, с ладонь размером, чтобы в руке держать удобно. Ты берёшь один, он ломается, и изнутри идёт пар, смешанный с ягодным соком. А в кружке — холодный квас, хлебный, с пузырьками, щиплет язык и пьётся сам собой, без уговоров.

Но лето — это не только рай. Это ещё и работа. Колорадские жуки — враги народа номер один. Тебе выдают поллитровую банку и отправляют на картошку. Ты идёшь вдоль рядов, переворачиваешь липкие листья, скидываешь полосатых в банку. Сосед мой из огорода кричит: «У меня уже полбанки!» — а у меня всего десять штук. Потому что я отвлёкся на божью коровку и на то, чтобы пожевать зелёные

щавелевые стрелки, которые растут тут же, в канаве. Кислые, чуть горчат, но до чего же вкусно!

После жуков — снова река. Теперь уже не купаться, а сидеть на берегу, болтая с детворой. Можно ловить бычков на хлеб, а можно просто смотреть, как солнце играет на воде, рассыпаясь бликами, и слушать, как где-то за лесом начинается куковать кукушка.

Вечером — огород. Полив. Тяжёлые вёдра с водой из бочки, неудобные, ручки впиваются в ладони, но ты держишься — помогаешь ведь. Лейка с мелким ситечком, вода разбрызгивается по капусте, по огурцам, и земля благодарно темнеет, пахнет дождём и червяками. А потом прополка — грядка за грядкой, пока бабушка не скажет: «Хватит на сегодня, умница».

И вот он — вечер. Завалинка. Тёплые брёвна дома, нагретые за день. Бабушка сидит рядом, гладит тебя по голове шершавой, но ласковой ладонью. Соседка тётя Нюра подходит, начинаются разговоры: про урожай, про дождь, про то, что у Петровых корова отелилась. Ты слушаешь вполуха, смотришь на небо. Звёзд становится всё больше, и вот уже вся вселенная у тебя над головой.

А потом — чай. На кухне, за тем же столом под белой клеёнкой в мелкий цветочек. В фарфоровых кружках с выцветшими узорами, с мятой и смородиновым листом, с тем самым вареньем, от которого сахар скрипит на зубах. Бабушка пододвигает поближе тарелку с остатками пирогов, под-

ливает ещё чайку — «Пей, набирайся сил». Чай горячий, а за окном уже темно, и ты сидишь напротив неё, слушаешь её тихие рассказы, и так хорошо, так спокойно, что никуда не хочется уходить.

А потом — спать. В свою комнату, под то самое стёганое одеяло из лоскутков, от которого пахнет домом и сном. И ты проваливаешься в него — сонный, уставший, счастливый до невозможности. Бабушка присаживается на край кровати, поправляет одеяло, и в полудреме ты спрашиваешь:

— Ба, а завтра опять на речку?

— А как же, — улыбается она. — Лето для того и дано.

Моё янтарное сокровище. Морошка

Морошку в магазине не купишь. И на рынке не найдешь, если не знаешь, у кого спрашивать. Потому что морошка — не товар. Она — награда. Тем, кто встает затемно, кто не боится трясины, кто умеет слушать тишину и слышать в ней бабушкин голос: «Пошли, родной. Пспела».

Она не растет в палисадниках, как смородина. Она не дается в руки просто так. Морошка — ягода гордая, северная. Она зреет там, где земля ходит ходуном под ногой, где туман по утрам стоит стеной, а комары звенят так, что, кажется, сам воздух гудит. Спелая морошка — как янтарь, как маленькое солнце, упавшее в мох. Она налита соком до краев, чуть тронешь — и лопается на языке теплой, кисло-сладкой волной.

Говорят, сейчас ее уже не стало. Не той морошки. Раньше, бывало, выйдешь на болото — и глаза разбегаются: целое поле, желто-красный ковер до самого горизонта. А теперь... То ли земля оскудела, то ли и правда потепление пришло. Но память — она крепче любой ягоды.

Мы собирались всей семьей. Это был не просто поход, это было событие, почти ритуал.

Будил не будильник. Будил дед. Подходил к кровати, трогал за плечо шершавой ладонью и говорил негромко: «Вста-

вай. Морошка ждать не будет».

За окном ещё серо, петухи только-только пробуют голоса, а в доме уже всё гудит тихой, деловитой жизнью. Бабуля хлопочет на кухне. Она собирает нам провиант, как это у нас называли. Не спеша, по-хозяйски, будто не в лес снаряжает, а в дальнюю дорогу, на неделю.

Дед тем временем готовит своё. Достает с полки ружье — мало ли что в лесу, зверь тоже по утрам ходит. Проверяет патронташ. Потом берет нож в самодельных ножнах и закрепляет его на свой ремень.

Самое главное — свисток. Бабуля собственноручно вешала его мне на шею на прочном шнурке.

— Если заблудишься, — говорила она строго, глядя в самые глаза, — стой на месте и свисти. Не вздумай реветь. Свисти. Собака тебя найдет, а за ней и мы.

Собаку звали Шайтан — наша черно-белая сибирская лайка. Имя, конечно, жутковатое, но пёс был умница редкая. Глаза умные, понимающие. У нас в Нагорском районе таких собак уважали: и в лесу не подведет, и к охоте способна, и детей стережет пуше своего живота. Завидев сборы, Шайтан сходил с ума от радости, носился кругами, взвизгивал и норовил лизнуть в нос.

Дед заводил мотоцикл «ИЖ». Рычал он так, что соседские собаки заливались лаем. Меня, как самого младшего «экспедитора», усаживали в коляску. Она пахла бензином, пылью и приключениями. Я вцепляюсь в борта, и мы мчим.

Путь лежал на огромное, бескрайнее болото. Оно находилось между селом Синегорье и поселком Первомайск. Бабуля, бывало, вздыхала, когда мы проезжали эти места:

— Раньше-то, промеж ими, деревень полным-полно было. Жили люди. А теперь... одна память.

И правда, иногда среди леса вдруг попадались заросшие буераком ямы — бывшие погребки, да одинокие печные трубы, торчащие из крапивы.

Но самое потрясающее место ждало впереди — гора. Высокая, открытая всем ветрам. Обычно дед останавливал мотоцикл, и мы вылезали, чтобы перевести дух. Встанешь на эту гору — и дыхание захватывает. До самого горизонта бескрайнее, зеленое море — нет этому лесу ни конца, ни края.

Воздух... Ох, какой же там воздух! Звонящий, чистый. Вдыхаешь его, и кажется, что не грудь наполняется, а душа становится огромной, как этот лес. Я смотрю в ту бескрайнюю даль и думаю: «Если бы у меня были крылья — полететь бы прямо туда, за горизонт, над этим зеленым морем, и никогда не останавливаться».

Но крыльев не было. Было болото, которое ждало нас внизу.

Наконец, подъезжали к месту. Дальше — только пешком. И тут начиналось самое «вкусное».

Болото встречало нас звоном. Комары. Тучи, полчища, тьма тьмущая. Они лезли в глаза, в уши, в рот, забивались под рубаху. Бабуля доставала спасительное средство — ка-

кую-то мазь в жестяной банке. От нее пахло так, что слезились глаза. Намажут тебя с ног до головы, даже не намажут — вымажут, как поросенка грязью. Ой, как же горькая она была! Если случайно губы оближешь — язык деревенел. Но комары — творилось чудо: они звенели рядом, но не садились. Кружили бешеным хороводом, но не кусали.

И вот мы с ведрами, с шутками-прибаутками двигались пролеском. Дед травил охотничьи байки, бабуля смеялась, а я всё по сторонам — мало ли, вдруг медведь вылезет.

Чем ближе к болоту, тем труднее идти. Ноги увязают, чавкают. Мох, вода, кочки. Местами приходилось прыгать с кочки на кочку, как огромные лягушки. Того и гляди, сапог засосет трясина. Дед учил: наступать надо на корни да на кочки, где мох потолще. А сам идет, будто по асфальту — привычный.

И вот, наконец, оно.

Выходим на край, и я замираю. Болото — огромное, открытое, под самым небом. Солнце заливает его ровным светом. А по кочкам, сколько хватает глаз, рассыпана янтарная россыпь. Морошка! Целое поле, желто-красное море, уходящее к далекому лесу.

Конечно, первое дело — наестся. Это святое. Сядишься прямо в мох, который пружинит под тобой, как перина, и срываешь самую крупную, самую янтарную ягоду. Она теплая от солнца, налитая соком. Кладешь в рот, слегка придавливаешь языком к небу — и она лопается. М-м-м... Ох, как

вкусно! Кислинка чуть-чуть, а потом сладость, и послевкусие долгое, терпкое, северное. Это не просто ягода — это сила земли, собранная в маленькой желтой капле.

Но вот начинается сбор — и радость кончается.

Ох, и не люблю же я ее собирать! Морошка — она же водянистая, нежная. Кладешь ее в ведро, кладешь, стараешься аккуратно, а она не прибывает. Только сок идет на дно. Кажется, уже полведра набралось, а глянешь — всего ничего. Идешь дальше, переступаешь с кочки на кочку, мох хлопает под ногами, комары (те, что самые злые, мази не побоялись) норовят за шею укусить. А я все оглядываюсь. Страшно. Кажется, вот-вот из-за той вон коряги вылезет косолапый и заревет на всю тайгу.

Шайтан носится между нами стрелой. Ему хорошо — он комаров не боится, ягоду не собирает, только радостно лает и путается под ногами. То к деду подскочит, то ко мне прибежит, лизнет в руку и умчится дальше проверять, все ли на месте.

Но вот ведра наполнены до краев. Тяжелые, мокрые, пахнущие болотом и солнцем.

И тут наступает самое трудное. Надо все это вынести с этого топкого, проклятого и одновременно благословенного болота. Ноги устали, вязнут. Ведро тянет руку к земле. Солнце печет уже неласково, а зло. Мошка лезет в глаза. Каждая кочка дается с боем. Идешь и только одну думку думаешь: «Скорей бы, скорей бы домой».

Выбираемся на сухое место. Садимся прямо на траву, обессиленные. Бабуля развязывает рюкзак, достает хлеб, огурцы, помидоры. И вот тут, на привале, наступает счастье. Ломаешь краюху черного хлеба, откусываешь огурец, который хрустит так, что в ушах звенит, запиваешь холодной водой из бутылки — и кажется, вкуснее этой еды нет ничего на свете. Глядишь на свои руки в царапинах, на грязь под ногтями, на ведра, полные янтарного богатства, — и чувствуешь себя победителем. Настоящим добытчиком.

Обратная дорога на мотоцикле — это уже почти сон. Сидишь в коляске, прижимаешь к себе ведро, как самую большую драгоценность, смотришь на проплывающий мимо лес, на ту самую гору, на бескрайнее небо. Усталость разливается по телу тягучей истомой, а внутри — тихая, огромная радость. Мы сделали это. Мы привезли домой солнце.

Дома бабушка перебирает ягоду, ворчит, что много мятой, но ворчит ласково. А мне уже готовит тазик с теплой водой — отмывать болотную грязь.

А потом, вечером, на столе появляется огромная миска морошки. Сидишь за столом, ешь эту янтарную кашу, смотришь в окно на темнеющее небо, слушаешь, как дед кашляет в своей комнате, как бабуля гремит посудой, как Шайтан вздыхает во сне у порога. И так хорошо, так покойно, так надежно...

И кажется, что это будет всегда. Что всегда будет это болото, эта морошка, этот вкус, этот дом. Ты еще не знаешь,

что пройдут годы, и бабушки не станет, и деда, и Шайтана, и той морошки на болоте уже почти не сыскать. Исчезнут те деревни между Синегорьем и Первомайском, зарастут тропы, смолкнут голоса.

Но останется это. Внутри. Тот самый вкус — кисло-сладкий, с горчинкой. Вкус детства. Вкус дома. Вкус последнего сокровища, которое у тебя уже никто не отнимет.

МОЙ ДРУГ ШАЙТАН

Позор семьи. Гордость округа. Любовь на всю жизнь.

Однажды знакомый привез нам из Нагорска черно-белую сибирскую лайку. Щенок не шел — перекатывался пушистым колобком по полу. Мордочка курносая, точь-в-точь как у медвежонка, который только что проснулся после спячки. Глаза — две черные пуговицы, и они блестят. Лапы ставил в стороны, тыкался носом в ботинки — оставлял мокрые звездочки.

А когда поднимал голову и наклонял набок — взгляд становился таким осмысленным и чистым, что у людей само собой вырывалось «ах». И так хотелось его тискать, что аж в груди щемило. Было ощущение, что держишь живой, дрожащий от восторга комочек северного ветра.

В его черно-белом мире пока не было ни команд, ни границ. Только тепло наших рук, запах молока — и безотчётная вера, что этот мир добрый. А по ночам он, наверное, летал во сне за пёрышком одуванчика.

В ту минуту мы ещё не знали, что этот пушистый разбойник станет главной любовью на многие годы — и мы ещё не раз вспомним этот миг.

Долго думали, как назвать это чудо. Для такой красоты не хотелось ничего банального, никакой заезженной клички из каждого двора. Предложения сыпались — одно другого

проще.

И вот однажды вечером дед, который слов на ветер не бросал, сказал голосом, от которого не отмахнуться: «Собака охотничья. Имя должно быть грозным. Это тебе не домашняя баловница. Это охотник, сам дух леса. И звать его надо по-настоящему».

И выдал коротко и твердо: «Решили. Пусть будет Шайтан».

Слово звучало устрашающе — мороз по спине. Но в нем было что-то дикое, первозданное. И такое неожиданное для этого пушистого комка.

Больше я за всю жизнь не встречала собак с таким именем. Ни до, ни после, нигде.

А как выходили на улицу и звали ласковое чудо грозным «Шайтан, ко мне!» — у прохожих глаза на лоб лезли. Переспрашивали: «Точно не шутите?»

Дед был большим оригиналом. Это факт.

Рос наш Шайтан не по дням, а по часам — словно сам сибирский дух вселялся в него, подгоняя богатырскую кровь.

Дед с самого начала говорил: для деревни, особенно в нашем Нагорском районе с его глухими лесами, лучшей собаки не сыскать. Лайка одинаково легко возьмет и белку, и глухаря, и даже крупного зверя по следу поведет. Нет в ней изнеженности — это охотник, работяга, может долго гнать добычу по вязкому снегу и не знать усталости.

А чутье! Говорят, лайка видит мир носом — как живой

компас, всегда выведет к дичи. И главное: предана хозяину, но в критический момент сама принимает решение, не теряясь перед медведем или лосем.

Шайтан рос именно таким. Каждый день в нем прибавлялось ловкости, уши встали крепкими треугольниками, шерсть стала густой, как у полярного волка. Мы смотрели, как черно-белый комок превращается в статного зверя, и понимали: дед выбрал породу мудро.

Дух леса поселился в нашем доме — под стать его грозному имени.

Шайтана знала вся округа. Покоя от него не было ни людям, ни скотине.

Сначала попробовал на вкус бабушкиных кур — устроил в курятнике переполох, перья летели до самого крыльца. Потом прихватил пару кроликов, пушистых и беззащитных. А вскоре уже поглядывал на козу с таким аппетитом, будто собирался взять ее на рога тараном.

Домашних котов гонял — те спасались на шкафах. Но бабуля за котов всыпала ему тапкой. Прямо по пушистой наглой мордочке. Шайтан сделал железный вывод: своих не трогать, переключиться на соседских. Но там было уже сложнее — забор повыше, да сторож посерьёзнее.

Пару раз всё-таки наведывался к соседям. Забирали уже краснея. Соседи попались понятливые — брали бартером: мы им яиц, а они нам живого, но сильно уставшего от жизни петуха или... еще какой пострадавшей живности.

Потом он умудрился погнать целую отару овец по поселку. Овцы бежали в одну сторону, пастух — в другую, а Шайтан с довольной мордой носился между ними, как тарантас по ухабам. Следом за овцами по поселку погнал уже дед — с ремнем в руке и таким криком, что на том конце улицы лаяли даже глухие собаки.

И кончилось всё тем, что дед, человек хозяйственный и охотник с фантазией, сделал длинную проволоку от забора до забора. Личный железнодорожный путь для мохнатого разбойника — он и бегал по ней, как трамвайчик на маршруте. А рядом с проволокой вырос собачий теремок: с крышей, подстилкой и табличкой «Шайтан, вход воспрещен». Для всех — включая кур, кроликов и особо наглых соседей.

И ведь что характерно — этот разбойник всё равно умудрялся быть на луну так душевно, что дед ворчал, но улыбался. А бабуля тайком тащила ему косточку со щей.

Вот такой он был. Позор семьи и гордость округа.

Дед держал кроликов. Бывало, и до сотни — в деревне шутили: «У вас не кролики, а личное войско пушистого спецназа».

Каждый раз при разделке дед брал Шайтана, привязывал поначалу к столбу и рассаживал вокруг зрителей — своих котов. Те уже наострили усы на халяву.

А дальше начиналось священнодействие: дед производил мудрое деление добычи. Себе — всё самое ценное. Шайтану — остатки да сладкие обрезки. Котам — чуточку с барского

плеча, так, чтобы не дрались.

Со временем Шайтан привык. Понял систему. При раз-
деле точно знал: сейчас его законная часть прилетит. А без
хозяина ни-ни. Надо делиться по-честному, по-сибирскому
обычаю.

То же самое творилось с рыбой, утками и прочей лесной
живостью. Все знали: будет великая дележка, и каждый ждал
своей пайки, как пенсии. Шайтан уже сидел рядом без при-
вязи с таким умным видом, будто лично утверждал бюджет
этой лесной продовольственной программы. А коты гипно-
тизировали деда взглядами уровня «подай немедленно, я тут
самый голодный».

Но было строгое правило: если Шайтан пытался украсть
кусочек до дележа — можно было получить бабушкиной тап-
кой по наглой, но обаятельной морде.

И вот тут начиналась комедия. Когда Шайтан видел этот
самый тапок или веник — простое, но грозное оружие мас-
сового поражения, — он сразу понимал: лучше будки ме-
ста нет во всей вселенной. Пулей влетал в свою конуру и не
высовывал оттуда пристыженную, но всё равно нагловатую
мордашку. Бывало, высунет нос, проверит — не маячит ли
где тапок или веник, — и снова обратно, как черепаха в пан-
цирь.

А дед потом ворчал: «Обиделся, как человек. Сидит, не
высовывает нос. Значит, умный — понял, что с хозяином
ссориться себе дороже».

И коты, кстати, эту иерархию уважали. Сами ни под тапок, ни под веник, но кусок из-под носа у Шайтана всё равно иногда стаскивали. Вот такая у них была семейная демократия.

Шайтан обожал ходить с дедом в лес. Для него это был не просто поход — священнодействие, главный спектакль его собачьей жизни.

Как только дед брал в руки ружье, Шайтан уже сидел у калитки с таким видом, будто говорил: «Ну что, охотник, я готов. Пошли добывать наше северное счастье».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.